

живо перелѣзъ первую стѣнку, и замѣтя, что я прицѣливаюсь въ невидимый ему предметъ, кинулся черезъ проходъ, и схватилъ инородца за руки.

— Попался, дикій! теперь шалишь, не уйдешь, мы тебя допрашиваемъ съ бариномъ-то!

— Развѣ ты его знаешь?

— Какъ не знать чортова сына! это ихній дикій шаманъ—инородцевъ-то! они его страсть какъ боятся. Ихъ сюда водкой не заманишь, двадцать верстъ крюку дадутъ, чтобы съ этой бражкой не повстрѣчаться, а то онъ съ ихняго брата какой хочетъ ясакъ возьметъ. Чтобы ни приглянулось, все отыметъ, да еще на придачу поколотить. Ему, ваше благородіе, говорятъ, много за сто лѣтъ перевалило.

Рабочій, отрывочно сообщая мнѣ эти свѣденія, наложилъ на ноги инородцу импровизированныя путы, которыя онъ устроилъ изъ собственнаго ременнаго кушака. Тотъ безъ малѣйшаго сопротивленія самъ подставлялъ ему обѣ ноги и даже поправилъ свернувшуюся паяжку.

— Вотъ теперь ладно будетъ. Не скинешь и не убѣжишь, а внизъ я тебя въ лучшемъ видѣ спущу. Ты ножками передвигать-то можешь, а я тебя за загривокъ придержу. У меня, баринъ, внизу-то все готово. Боюсь какъ бы звѣрь не набрелъ, надо бы намъ спуститься. А онъ у насъ заговорить!—добавилъ онъ, хлопывая по плечу инородца. — Ахъ ты, идолъ! — вдругъ крикнулъ онъ, запуская руку за пазуху войлочнаго азяма, который составлялъ всю одежду старика, — ты это зачѣмъ же каменье въ набралъ? опять метаться думалъ. Такъ-то онъ ловко камни бросаетъ, ваше благородіе, что, говорятъ, за десять шаговъ птицу бьетъ.

Мы хотѣли спуститься обрывомъ, но дикій шаманъ залопоталъ по-своему, и рабочій, свободно говорившій по-инородчески, перевелъ мнѣ, что онъ хочетъ показать другую дорогу. Старикъ, которому я снялъ путы, къ большому неудовольствію Степана, проговорившаго: «вотъ дастъ стрекача въ кусты, только мы его и видѣли», — провелъ насъ къ логу, который выходилъ прямо въ мѣсту нашего привала. Притопанная въ чащѣ дорожка служила указаніемъ, что старикъ часто ходилъ по этой тропѣ.

Предсказанія Степана не оправдывались. Дикій шаманъ и не думалъ давать «стрекача», а напротивъ, пристроился къ огню и приручился. Онъ подправилъ костеръ, умѣло сгребъ въ вучу золу, въ которой Степанъ намѣревался испечь картофель, и увидя чайникъ, предложилъ принести хорошей воды. Чайника Степанъ ему не довѣрилъ, а далъ кожаное ведро, а когда шаманъ